

*Нотто новис <Кугель А.Р.>. К 50-летию рождения А.П. Чехова // Вестник понедельника.
Иркутск, 1910. 1 февраля. № 5. С. 2-3.*

Къ 50-лѣтію рожденія А. П. Чехова.

Пятидесятилѣтіе рожденія Чехова... Теперь всѣ пишутъ: «Поэтъ» и умиленно поднимаютъ глаза, вспоминая Антона Павловича...

А помню, хорошо помню, какъ этотъ несомнѣнный поэтъ (можно еще спорить о масштабѣ, но никакъ не о сущности—ибо истинный поэтъ Чеховъ) пробиравъ себѣ дорогу, какъ мучился и страдалъ. Чеховъ былъ только на нѣсколько лѣтъ старше меня, и по волѣ случая—а можетъ быть, не только случая—мои «дебюты» буквально повторяли дебюты Чехова, и въ редакціяхъ, куда я вступалъ, еще не разсыялся ароматъ его пребыванія. Онъ еще изрѣдка пописывалъ въ «Стрекозѣ», гдѣ были напечатаны мои первыя строки, и продолжалъ, время отъ времени, печататься въ «Пет. Газетѣ», гдѣ я началъ сотрудничать. И то, что было такъ ясно для насъ, что какой-то необыкновенный плѣнительный, мягко мерцающій, талантъ струится изъ его разсказовъ,—совершенно не замѣчалось или намѣренно замалчивалось критикой. При всемъ добродушии и всеобщей незлобности Чеховъ не могъ не чувствовать—и чувствовалъ до конца дней своихъ—какъ мало значить самоощущеніе таланта, въ сравненіи съ торжественною обстановкою, умѣлою «поддержкою» и «поварскимъ искусствомъ» подаванія на столъ литературныхъ блюдъ. И до конца жизни онъ сохранилъ это ироническое, закрытое мягкими рѣсницами, мерцаніе глазъ своихъ...

Хорошо бы подумать о памятникѣ Чехову. Поставить, положимъ, памятникъ, предъ которымъ останавливался бы «прохожий», читая надпись: «Поэту, понятному послѣ статистическаго описанія Сахалина». А какой, въ самомъ дѣлѣ, поставить, памятникъ Чехову? Помнится, въ числѣ проектовъ памятника Пушкину былъ и такой. Поэтъ стоялъ на высокомъ постаментѣ, снизу же вверхъ длинною вереницею толпились фигуры создан-

ныхъ Пушкинымъ героевъ. Всѣ стремятся на верхъ къ поэту, чтобы поклониться ему и поблагодарить за то, что онъ вызвалъ ихъ къ жизни изъ ничего, и всѣ полны отраженіемъ его думы.

Проектъ, къ сожалѣнію, не осуществился. Вѣроятно, были какіе-нибудь крупныя недостатки. Но мысль сама по себѣ прекрасная, и думается, трудно выразить лучше и заѣтнѣе стихъ: «Нѣтъ, весь я не умру!», и зависимость произведеній отъ творца. И конечно, если приходится на поклоненіе писателю, то прежде всего слѣдуетъ придти тѣмъ, которые бытіемъ своимъ обязаны волѣ его творчества.

И вотъ мнѣ представляется торжество открытія памятника Чехову. Какое множество духовныхъ дѣтей! Пришелъ «Дядя Ваня», милый, добрый, опустившійся человекъ, который «могъ бы быть Шопенгауэромъ или Достоевскимъ», а въ дѣйствительности считаетъ пуды сына и керосина въ глухой деревушкѣ; пришелъ докторъ Астровъ, молодой витязь, почему-то не вытанцовывавшійся, задремавшій, пьющій водку безъ закуски и затянутый «жизнью презрѣнною, жизнью обывательскою»; пришелъ профессоръ, тридцать лѣтъ писавшій объ искусствѣ, ровно ничего въ немъ не понимая, едва ли понимая предѣлы чеховской поэзіи, но, во всякомъ случаѣ, считающій долгомъ заявить, что «надо дѣло дѣлать! Надо дѣло дѣлать!» Пришелъ Гаевъ, по дорогѣ закусившій омары или сардинки, съ трясуцимися руками, по привычкѣ складывая ихъ для бильярднаго удара, и съ готовою рѣчью къ «многоуважаемому и дорогому шкапу» китайской премудрости. Пришелъ учитель Кулыгинъ, недовольный преслѣдованіями и Consecutivum, а впрочемъ, благодаря совершенной безличности, имѣющій видъ словно онъ всѣмъ доволенъ—и измѣной дорогого и Consecutivum, и измѣной дорогой жены Маши. Пришелъ Вершининъ, въ полной походной формѣ, готовый отбыть на Востокъ или въ Финляндію, что не мѣшаетъ ему мечтать о томъ,

какая жизнь будетъ черезъ 300 лѣтъ, когда человечество, не удовлетворяемое походами и набѣгами, найдетъ смыслъ жизни и заполнить бездну противорѣчій. Соленный, можетъ быть, и не придетъ, но все-таки пришлетъ телеграмму изъ какого-нибудь города, гдѣ онъ нынче градоначальствуетъ: «Онъ ахнулъ не успѣвъ, какъ на него медвѣдь наѣлъ!»

И нѣсколько позади, за темными рядами Ивановыхъ, которыми до боли стыдно, что, будучи здоровыми людьми, они превратились не то въ Манфредовъ, не то въ Гамлетовъ и «ждутъ околѣванца», вмѣсто всякаго «міросозерцанія»,—много, много чеховскихъ женщинъ, тонкихъ, воздушныхъ, скорбныхъ, нѣжныхъ, съ блѣдными лицами и потухающими, но все же лучистыми глазами. «Подстрѣленная чайка», кружившаяся надъ озеромъ, и прекрасныя «три сестры», полуувядшія, какъ комнатныя растенія; и Елена Андреевна, жена профессора, съ русалочьею, но застоявшеюся кровью въ жилахъ, боящаяся «дать себѣ волю хоть разъ въ жизни» и довольствующаяся «карандашемъ на память», который она взяла у Астрова, и Соня, блѣдная, красивая, съ прекрасными волосами, Сони, сквозь слезы надѣющаяся, что небо загорится алмазами, и «мы отдохнемъ, мы отдохнемъ, милый дядя»; и «дама съ собачкою», такъ нелѣпо отдавшаяся въ Ялтѣ и потомъ все боявшаяся, все трусившая и такъ скучно бившаяся въ силкахъ безволия; и легкомысленная Раневская, у которой сейчасъ были деньги и были любовники; а сейчасъ нѣтъ ни денегъ, ни любовника; и блѣдная, благоухающая и хрупкая, хрупкая, какъ цвѣточная пыль вишневаго сада, Аня, съ ея дѣтскими «ау!» и дѣтскою грустью въ большихъ тоскующихъ глазахъ...

Всѣ эти люди здѣсь. Большая часть ихъ объединена общимъ признакомъ физической и—по слѣдовательно—психической слабости: малокровіемъ или блѣдною немочью. При всемъ разнообразіи фигуръ, онѣ надѣлены опредѣленными чертами тѣла. И я не нахожу ничего удивительнаго въ томъ, что, прижавшись другъ къ другу, онѣ робко слѣдятъ глазами за останками Чехова или рѣшаются, и не могутъ ничто сказать. Тогда выступитъ профессоръ Серебряковъ, тридцать лѣтъ писавшій объ искусствѣ, ничего въ немъ не понимая и забывая, что, въ качествѣ члена литературно-театральнаго комитета, забраковалъ «Дядю Ваню», скажетъ приблизительно слѣдующую рѣчь, въ подражаніе тѣмъ своей къ «Дядѣ Ванѣ»:

— Друзья мои, manet omnes una pox, т. е. тѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Уцѣню ваши убѣжденія, но, милая детали, позвольте сказать на прощаніе—и Антонъ Павловичъ (жестъ въ сторону памятника) глубоко намъ внимаетъ и вполнѣ намъ сочувствуетъ—что надо дѣло дѣлать! Надо, господа, дѣло дѣлать!

И отъ торжественной рѣчи профессора Серебрякова зазвонятъ колокола, вотъ этакъ: «динь-динь! кака пошлость! Что за пошлость! Динь-динь!»

Впрочемъ, можетъ быть, ради торжества, профессоръ этого не скажетъ, и тутъ только одно мое предположеніе. Но при жизни эти рѣчи посмѣнно говорились, иногда въ идѣ упрека Чехову, иногда въ идѣ упрека всему поколѣнію, возрастившему Чехова. И было утѣ безсердечіе, помноженное на тупость и бездарное упрямство.

Конечно, надо дѣло дѣлать. Но слѣдуетъ быть профессоромъ Серебряковымъ, тушеной воблой, для того, чтобы неподозрѣвать, какой эгизмъ, какое холодное безстрастіе скрывается въ словахъ «надо дѣло дѣлать», обращенныхъ къ сухорукому Поэзю Чехова—перерожденіе чувствительности. Жизнь—это, если можно выразиться, равнодѣйствующая волнѣ представленія, инстинкта и морали. Представленіе или мораль тѣмъ пынѣе и ярче расцвѣтаютъ, чѣмъ слабѣе воля и инстинктъ, и обратнo. Одно существовать за счетъ другого. Теорія Меникова, по которой бѣлые шадки здороваго организма пожираютъ бациллы и тѣмъ спасаютъ его отъ забо-

лѣванія, тогда какъ въ надорванномъ организмѣ бациллы пожираютъ бѣлые шарики и размножаются въ крови, порождая болѣзни,—эта остроумная теорія вполнѣ примѣнима къ болѣзнямъ духа. Когда ослабленъ инстинктъ или подавлена воля, нерѣшительность и мораль быстро поѣдаютъ ихъ остатки и превращаютъ жизнь въ скучную, нудную и отвлеченную схоластику. И наоборотъ, воля пожираетъ мораль, анализъ и празднуетъ нуетъ на развалинахъ своей оргіи.

Герои Чехова—тѣ, къ которымъ онъ относится участливо и снисходительно—страдаютъ перерожденіемъ «представленія». Все, что инстинктивно внушаетъ Чехову чувство орезгливости: въ компаніи «Трехъ сестеръ», живущихъ въ неопредѣленныхъ мечтахъ, одна Наташа живетъ инстинктами—половыми, стыжательными, материнскими, и нѣтъ пошлѣе и ничтожнѣе существа во всей пьесѣ, какъ Наташа. Кстати, пришла бы она на открытіе памятника? Пожалуй, у Бобика опять заболѣлъ животъ и она бы не пришла.

И когда торжество кончится, и выростетъ новый шеголеватый монументъ, послѣ рѣчи профессора Серебрякова, толпа разоидется, медленно, тихо, неслабно, какъ тѣни. Вся жизнь чеховскихъ героевъ протекаетъ въ полуснѣ, въ истомѣ, въ тоскѣ, блужданіи тѣней. Онѣ ѣдятъ и пьютъ, но безъ настоящаго аппетита; онѣ любятъ, но безъ истиннаго увлеченія; онѣ умны, но направляютъ свой умъ, плавнымъ образомъ, на то, чтобы отыскать новую глупость; онѣ—«свѣтлыя личности», отъ которыхъ, по выраженію дяди Вани, никому никогда не бываетъ свѣтло.

De ses mains tombait le livre.
Dans leuel elle n'a rien lu...

Такъ заканчивается чудесное стихотвореніе Мюссе, посвященное смерти молодого, но по природѣ анемическаго существа. Когда я думаю о чеховскихъ герояхъ, мнѣ представляется этотъ поэтический образъ въ другомъ нѣсколько видѣ. Онѣ торопятся, взявши въ руки «книгу жизни», посмотрѣть безотлагательно на

последнюю страницу, гдѣ написано «конецъ» и гдѣ тянется бездушная бѣлая полоса—настоящій саванъ всего живого и прекраснаго. И посмотрѣвши на развязку, зная исходъ и все время видя предъ собою этотъ траурный «конецъ», напечатанный злобнѣею черною краскою на бѣломъ, безжизненномъ, пустынномъ полѣ, онѣ дѣлаютъ усилие и стараются вчитываться въ страницы книги. Но занимательность уже исчезла, перипетіи фабулы мало интересуютъ, и въ предвидѣніи неизбежнаго «конца» книга все время валится изъ рукъ... «Надо дѣло дѣлать!» Зачѣмъ? Для чего? Для чего рѣшайтесь заду, когда навѣстень отвѣтъ, и читать скучныя страницы, когда знаешь, чѣмъ кончается вся книга?

И вотъ—позвольте вернуться къ самому началу—нѣсколько поодаль отъ депутацій и вообще «чистой публики», пришедшей на открытіе памятника, толпится кучка «народа», того самого народа, который, вопреки терзаніямъ эстетовъ, должесть «оздоровить» нашу жизнь, нашъ театръ, покончивъ со всякими кризисами. Въ толпѣ, конечно, найдутся герои Горькаго, склонные къ разглагольствованію и разсужденіямъ. Въ центрѣ, само собою разумѣется, Сатинъ въ опоркахъ на босу ногу. Заломивъ шапку на бокренъ, онъ грохочетъ осипшимъ басомъ:

— Сикамбръ! Сарданапалъ! Учитесь тому, что не надо кинуть, а надо жать, рвать жизнь зубами, грызть ее, доколѣ хватитъ силы...

И Лука, «лукавый старецъ», уже совсѣмъ собравшійся въ путь и остановившійся поглядѣть, скажетъ:

— Праведную землю, стало быть, ищутъ... Какъ же можетъ быть, чтобы не было праведной земли? Должна быть праведная земля!

— Вѣрю, старики!—кричитъ Сатинъ.—Есть праведная земля! Сикамбръ!

Въ воздухѣ столкнутся и скрестятся два основныхъ движенія современной души: безнадежное «мы отдохнемъ, мы отдохнемъ» блѣдной Соны, и торжествующій

«Сикамбръ» буйнаго Сатина.

— Эй, сударыня,—кричитъ Нилъ, машинистъ изъ «мѣшанъ», которой нибудь изъ «трехъ сестеръ»,—жизнь принадлежитъ тому, кто трудится!..

— Мы трудимся.—говорятъ сестры.

— Да не такъ,—отзывается Нилъ, запахивая отъ вѣтра полы своей замазанной кожаной куртки,—нужно мѣсить жизнь и такъ, и этакъ... У васъ ручки нѣжныя...

— Зоологическаго ритма не хватаетъ,—отзывается густою октавою пѣвчій Тетеревъ, тоже затесавшійся въ толпу.

Вершининъ смотритъ на нихъ большими, недоумѣвающими глазами, потомъ грустно качаетъ головой:

— Нѣтъ, это не то! Черезъ триста лѣтъ жизнь будетъ изыщана...

А въ это же время сапожникъ Алешка, босой, съ гармоникой, вылетаетъ, какъ вихрь, изъ закоулка и оретъ:

— А я ничего не хочу, не желаю! Лягу посередѣ дороги! На, бери меня! А я ничего не хочу, ничего не желаю!

Чеховъ—поэтъ мечты, недоношенныхъ инстинктовъ, перерожденной чувствительности, словно стыдливая фіалка затерявшаяся среди страстей, инстинкта, повелевающей чувствительности. Чеховъ рисуетъ застоявшуюся жизнь, пребывающую «въ мечтахъ». «Жизнь будетъ изыщана»—это постоянно слышится у Чехова. Она и такъ сравнительно изыщана, жизнь чеховскихъ героевъ, робкихъ и стыдливыхъ, пытливыхъ и съ трепетомъ относящихся къ каждому явленію. Она изыщана, но лишена сверканія, страстей, острыхъ зубовъ, бурныхъ порывовъ, а главное,—сильныхъ желаній. Поэзія усталости, осеннего, мягкаго, но сѣраго и хмураго дня...

— Мы отдохнемъ, погоди, дядя Ваня, мы отдохнемъ!..—говоритъ Соня и вытираетъ дядѣ Ванѣ слезы платкомъ. Тамъ, гдѣ-то, далеко, въ небесахъ, сверкающихъ алмазами, забудутся всѣ страданія, подъ хоръ ангельскихъ голосовъ.

Покорно, тихо плетутся блѣд-

3.

ныя тѣни. И вдругъ снова голосъ Алешки: «А я ничего не хочу! ничего не желаю»!...

Этотъ ничего не требуетъ отъ неба, сверкающаго алмазами, но ищетъ свободной жизни здѣсь, на землѣ, свободной, гордой и независимой, хотя-бы все ея счастье заключалось въ томъ, чтобы лежать «посередь дороги» и къ черту изящество черезъ триста лѣтъ!..

(Т. и И.)

Homo novus.

Къ 50-ти лѣтію рожденія А. П. Чехова.

Корреспондентъ „Вѣстника“ самъ изобрѣтаетъ свои
сюжеты, а еще хуже, когда самъ пишетъ
его. Писатель (Кто изобрѣдетъ въ Запад-
ной)

Большая часть статьи, которую вы видите
тамъ, не изобрѣтается, но выдуманно
Корреспондентъ самъ пишетъ, пишетъ самъ, самъ
формулы, формулы, формулы и прѣтѣ.

редактируетъ и издаетъ и еще разъ самъ
издаетъ.

Вашъ
А. П. Чеховъ

А. П. Чеховъ.

Автографъ А. П. Чехова.